

Василий СИМАКИН
Чална, Пряжинский район

СОЛДАТОМ СТАТЬ – СИЛЬНЫМ БЫТЬ

*Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны.
К 100-летию со дня рождения автора*

Отгремела война давно,
Но забыть её не дано
Тем, чье сердце годами болит,
Кто оставлен судьбою в живых...

Василий Симакин

О ЮНОСТЬ! НЕПОВТОРИМАЯ ВЕСНА ЖИЗНИ!

Лето 1941 года обещало быть теплым, безоблачным... Окончена семилетка. Впереди восьмой класс. По дому особых забот не предвиделось. Оставалось жить теми грезами, что волновали меня на заре юности. Неведомые чувства к единственной, зародившиеся на школьной скамье, теснили грудь, властвовали над моими думами. Наяву и во сне – школа, друзья и она. Уже прикидывал, как долго будут длиться каникулы, в течение которых я смогу строить воздушные замки и мечтать, мечтать...

Мои друзья Лева и Рудик не давали мне скучать. Рыбалка на Шуе, вечером на Загорье разговоры о книгах, о будущем, пока неопределённом, но «светлом и прекрасном».

Частенько ездили в Петрозаводск, благо, что он всего за двадцать километров. А там просторные площади, гостинный двор, прямые и широкие центральные улицы. Но уж когда добирались до Онего, дух захватывало. В любую погоду озеро вливалось в нас какую-то необузданную силу, тайну...

Только недолго продлилась эта безмятежность.

ВОЙНА ОТ МОРЯ И ДО МОРЯ

Безмятежность закончилась, когда в воскресенье, 22 июня 1941 года, прибежала вездесущая соседка: она эмоционально говорила о войне и о собственном «внутреннем чутье». Не верилось в её слова.

Выходной начался радужным карельским небом, ярким солнцем. Я выглянул в окно, выбежал во двор, ополоснул в реке лицо и устремился к мосту. Там было многолюдно. Из уст в уста передавалась тревожная весть. Одни говорили, что это недели на две и всё образуется. Некоторые по радио что-то другое слышали. Постепенно горькая правда уже не вызывала сомнений. К полудню собрались толпы, семейные группы, присмирившие ребятишки. Горькое и злое слово «война» стало реальностью.

Подъехала машина с тремя военными. Поставили стол, разложили бумагу, осмотрелись и начали вызывать сельчан пофамильно. Мужчины подходили к столу, внимательно слушали, получали, вероятно, повестки – уже и очередь образовалась... Грузовики-полупотки увозили партию за партией. Целый день продолжалась мобилизация.

Семьи прощались со своими кормильцами. Советы, наказы, увещевания, обещания – все несло тревогу и безысходность... Дети держались за полы пиджаков отцов, уговаривая их не уезжать. Каждая отходящая машина сопровождалась ры-

даниями и криками. И такую картину мы наблюдали не один день.

Село на глазах помрачнело, притихло. Однако каждый понимал: надо жить, надо выполнять неотложные обязанности в колхозе, МТС, по дому. Расслабляться не время.

МОЛОДЁЖЬ ВОСТРЕБОВАНА НА ДЕЛА

Меня и моих сверстников вызвали в контору колхоза. Попросили помочь. Каждому из нас дали по лошадке и все необходимое и сказали: «Поедете в Бесовец, это местечко в 5-7 км от Шуи. Там строится аэродром. Вы знаете, как он сейчас нужен. Ваша задача: в ночное время возить гравий туда, куда покажут. Ночи теплые. Жить будете там. Старайтесь, поработайте по-мужицки». Напутствие яснее ясного.

Приехали. Нас встретили. Объяснили задачу. Впервые мы увидели большую военную стройку. Работа разворачивалась нешуточная. Да и мы ведь парни деревенские. Физический труд нам привычен.

На каждой подводе работали по одному. В обязанности входило все: и лошадь напоить, накормить вовремя, сбрую подогнать (это мы умели), а вот сберечь животное от потёртостей под сбруей – ещё надо было учиться.

Задания получали от военного с двумя кубиками на петлицах гимнастёрки. Был он строг, на перекурах (из нас никто не курил) много рассказывал о Зимней войне с Финляндией (1939 – 1940-е гг.). Для нас все это было неведомым. Он старался незаметно воспитывать в подростках выдержку, самостоятельность, волю к преодолению любых трудностей. Именно тогда началось формирование нашего характера – это я понял, когда учился в военном училище Ульяновска.

Видно, работали мы неплохо. Никто не имел даже мелких замечаний за три недели армейских условий. Нагружали, разгружали строительный материал энергично, быстро, чтобы побольше получилось поездов от карьера до места.

Работа ночью для нас, безусловно, была неприемлемой. С вечера – бодрый и активный, а вот под утро, когда из-за леса поднималось багровое светило, нас клонило в дрему. Держались, стараясь не уронить марку колхозника. Не все сумели. Один из наших уральней так задремал, что, качнувшись вперёд, упал с сиденья и угодил на оглобли под хвост лошади. Ошалело вскочил, боялся быть замеченным. Ехавшие позади него повскакали со своих подвод, подбежали. Не обошлось без едких реплик. Все окончательно проснулись от дружного хохота.

Но, несмотря на казус, мы первое «боевое» задание выполнили с честью. Каждому была объявлена благодарность от командира части.

И девочки, наши одноклассницы, не отставали: они жили тревогами времени. Гуляя по селу, обратили внимание на странное поведение незнакомого человека. Тот оглядывался, останавливался, пытался что-то записать, пристроившись на мостках к реке. Девочки даже пригласили его в дом Великановых на чай, где он с интересом расспрашивал о многом: в том числе об общественных делах, объектах. А тем временем самая бойкая и сметливая Тася Титова с подружкой побегала к железнодорожному мосту, в военную часть, охраняющую важнейший секретный объект в Шуе. Девочки толково рассказали о незнакомце и вернулись с военными, но того и след простыл. Стали искать в сараях, в банях, пристройках – безрезультатно. Договорились, что вечером военные с несколькими девочками пойдут к дороге Петрозаводск – Медвежьегорск, затаятся в кювете, в кустах, и будут наблюдать. И не ошиблись. С рассветом он уже вышагивал в сторону станции Шуйской. Тут и услышал команду: «Стой! Руки вверх! Ни с места!» Захват и обыск. Так был арестован диверсант. А бдительных школьниц пригласили в воинскую часть, вручили благодарности и сувениры на память. С какой гордостью их внуки много лет спустя слушали эту историю «подвига».

Село взбудоражено. Война подошла очень близко: немецкий самолет-одиночка, оказавшись рядом со станцией Шуйской, сбросил три бомбы на машины, следующие по шоссейной дороге. В Шуе тотчас услышали. Мы, вездесущие «разведчики», мигом оказались на месте происшествия. Три воронки, на дне вода, осины и березы разбросаны, разметаны за бруствер. К счастью, враг не достиг цели – машинам удалось прорваться.

Село удостоверилось – пришла большая война, в каждый дом, в каждую семью пришла «проклятая орда», не сказочным, а реальным чудищем.

Разговоры селян всё чаще касались неизвестного доселе слова «эвакуация». Потом все увидели, что это такое. В Петрозаводск и на станцию Шуйскую потянулись машины, подводы. Увозили оборудование машинно-тракторной станции, колхозные сельхозмашины. Сопровождаемыми были жители Шуи, которые сразу же уезжали надолго в места эвакуации. А в сельсовете уже разрабатывался другой план: эвакуация людей по учреждениям и месту жительства. Всем определены сроки и место назначения. Село на глазах пустело. Сводки по радио были удручающими: советские войска отходили на восток, оставляя город за городом, район за районом.

Но жизнь теплилась. 1 сентября начались занятия, я и мои друзья пришли в школу в 8-й класс. Нерадостным оказался первый день учебного го-

да. Мы не увидели очень многих товарищей и друзей. Какие уж там «извлечения корней» на уроке алгебры! С каждым днём одноклассников становилось всё меньше и меньше...

А тут и моя семья попала под сборы. Садясь на станции в товарные вагоны, никто не знал, куда везут. Сентябрь был тёплый, ласковый, но щемящий душу и сердце. Постепенно, но неумолимо уходила от нас беззаботная юность: мы страдали от разлуки с друзьями и подругами. Куда увезли семью одноклассницы, пленившей меня удивительной белокурой косой и чёлочкой? Только сновидения воскрешали её неповторимый милый образ: голубые озорные глаза, голос, тихий и приглушенный, стеснительная добрая улыбка.

С этими тревожными мыслями я и эвакуировался только с мамой – отец остался завершать дела в колхозе, а брат Иван, старше меня на 4 года, ещё до войны был призван в армию и служил на Кавказе. Наш вагон прицепили к составам, идущим в центр России. Все пассажиры оказались земляками. Последняя остановка – Пенза товарная. Оттуда мы и приехали в родное село, что красиво расположилось на плоскогорье недалеко от реки Мокша, притока Оби.

Нерадостной была встреча после шестилетней разлуки с сёстрами и их детьми: они жили в мазанке, ведь изба была умышленно разрушена в 33-м году, когда семья была выслана на трудопоселение, фактически – раскулачена, в Карелию. Это ещё одна трагическая история моей семьи. Сегодня мы показываем детям и внукам документы о реабилитации, с грустью объясняем, как по доносу, по злой воле двух-трёх односельчан, состоявших в правлении колхоза, «раскулачили» нашу семью, семью трудолюбивого крестьянина-середняка, чтобы выполнить план по разнарядке, данной сверху.

Историю не перепишешь. Да, был период жёсткой политики по отношению к крестьянам. Но в Карелии, куда были сосланы, мы, дети, благодаря привитой привычке к труду нашли себя: я хорошо и с интересом учился в школе, а брат перед армией успел окончить два курса автодорожного техникума. Годы ссылки прожили с семьёй достойно.

И вот вернулись на родину, правда, в трагическое время для всей страны – начала Великой Отечественной войны. Земляки встретили радушно. И мы были счастливы возвращению ДОМОЙ.

В мазанке теснились четыре семьи – восемь человек. Я – глава семьи (мужья сестёр на фронте). А ведь осенью 1941 года мне было 16 лет.

Весной 42-го года я и ровесники уже в полную силу выполняли в колхозе всю мужскую работу: пахали, сеяли, бороновали, работали на сенокосилках

(ведь надо заготовить сена скоту на целую зиму). А ещё ухаживали за лошадьми (полная конюшня), коровами, овцами. Но особенно трудно было укрощать молодых бычков: буйные животные не хотели подчиняться и тянуть ярмо сельского труда: чувствовали нашу неопытность и недостаток физической силы. Но всё-таки мы смогли покорить упрямый молодняк. Будучи ещё подростками, чувствовали ответственность за всё. Как рано мы повзрослели! Мужали на глазах!

Уже в первые дни я был поставлен на воинский учет. Не раз и не два бегал с ребятами в районный военкомат на комиссию, где проходили дневную допризывную подготовку. Мы довольно легко преодолевали за день 20 км туда и обратно. Такой «марш-бросок» прибавлял силёнок и выносливость вырабатывал.

Зимой были мобилизованы выполнять ещё более трудную работу: на оборонительных линиях вокруг города Пензы рыли целый месяц противотанковые рвы. Мороз, степные ветры и бураны – всё было наше. Сполна почувствовали, почём фунт лиха.

Так, постепенно, входили мы во взрослую жизнь: труд, допризывная учёба в течение двух недель в мае... Оглядываясь на минувшее (а прошло более 60 лет), понимаешь, что программа подготовки будущего воина – солдата осуществлялась совершенно правильно: ко дню призыва в августе 1942 года мы, юнцы, окончательно возмужали как физически, так и морально. Осознанно подходили к формированию в себе солдатских качеств: сводки с фронтов убеждали нас в необходимости стать сильными душой и телом.

Август 42-го. Получена повестка. Из сверстников 1924 года рождения я уходил один. Провожало, кажется, всё село. На лицах земляков и сочувствие юноше, которому едва исполнилось 17 лет, и единый порыв в желании быть причастными к событиям военных грозных лет. На душе у меня стало легче, что односельчане выразили искреннее сострадание моей семье, оставшейся без «мужчины» в доме. Может, и помогут маме и сёстрам в трудную минуту. Но, как узнал потом, семья сполна ощутила все тяготы военного лихолетья.

Началась новая жизнь моя, солдатская, по закону науки Суворова: «Трудно в ученье – легко в бою».

Из родной Самаевки наш состав пошёл на восток. Первая большая остановка – станция Инза в Ульяновской области. Запасной полк располагался в гарнизоне, границы которого я не смог обозреть и за две недели. Мне казалось, что здесь стоит армия, способная по одной команде свернуть шею любому противнику. Военная поверка на плацу

представляла такое зрелище, от которого захватывало дух и удесятерялись силы.

Неведомо по чьей воле меня направили из запасного полка в Ульяновское военное училище. В те годы моё свидетельство о семилетнем образовании, да ещё и с отличными оценками, могло сыграть свою роль. Так потом и осело оно, свидетельство о неполном среднем образовании, тогда очень ценном, в архиве навсегда.

И вот я курсант первой роты второго взвода. Новобранцев приняли корректно, но строго, по-военному. Огромная казарма на целую роту призывала к собранности и подтянутости. Двухъярусные кровати, бачок с водой, тумбочка дневального, просторный между кроватями проход – «зал» для построений.

Распорядок дня, расписание занятий – всё по минутам. Самоподготовка вечером – это и есть свободное время...

Уже на второй день началось наше обучение. Военных дисциплин с десяток – в кабинетах. А затем занятия на плацу, на тактическом поле, на стрельбище, на спортплощадке, полосе препятствий... Лавиной обрушивалась военная наука на наши головы – успевай осваивать. А сколько силы и ловкости надо было проявить уже на первых тренировках.

И вспомнилась мне родная Шуйская школа с её уроками физкультуры: оборонные значки ГТО, ПВХО, Ворошиловского стрелка, полученные тогда, очень помогли мне в постижении военных навыков. Теперь, думаю я, нужно всё оттачивать до совершенства. На всю железку старался стать солдатом в полном смысле этого слова. Получалось почти всё, даже на полосе препятствий, которая для многих была непреодолимой.

На занятиях по тактической подготовке учил нас терпению и выносливости лейтенант Маркелов, командир взвода. На окраине Ульяновска, на взгорье без единого деревца или укрытия, подавалась команда: «Скатку положить!» Мы оставались в летней форме. Время: сентябрь-октябрь. Ветры в Ульяновске (раньше Симбирск, т. е. город семи ветров) не стихали практически никогда. Многочасовая тактическая подготовка проходила при любой погоде, а скатки – рядом. Комвзвода был очень доволен возможностью закалять нас с помощью сил природы, добавляя от себя различные (но очень нужные на войне) задания: рытьё окопа одиночного бойца – хорошо; отражение противника с фронта, с тыла – куда ни шло; ружейные приёмы: «коротким – коли», «длинным – коли», «ложись!», «встать!», «по противнику залпом – пли!», «с фронта противник – наблюдать!» и другие – доводили до оупения. Но вырытый окоп согревал нас, прижавшихся друг к другу. Обидно, что никто из «больших» командиров не присут-

ствовал на этих «тренировках» – может, лейтенант и превышал свои полномочия, но закалку мы получили поистине богатырскую – курсантской чести на войне не посрамили.

Подготовка офицера в течение шести месяцев предусматривала уплотнённую программу. Мы это понимали – спокойно относились, например, к тому, что выходных практически не было: эти дни посвящались заготовке дров, которые были выгружены на льду Волги. Наша задача состояла в подъёме их по крутому и высокому берегу на площадку для погрузки на машины. Это была очень тяжёлая работа – наших силёнок едва хватало: да ещё пока добирались от училища, чувство голода давало о себе знать. Сравнивали себя с бурлаками и держались только на энтузиазме.

Проверка на прочность была, наверно, частью обучающей программы. Помню, в сентябре комроты старший лейтенант Балабин после целого дня занятий построил нас и объявил марш-бросок. Цель: помочь колхозу в уборке урожая. Переход занял целую ночь. С утра до вечера – работа, ночью – возвращение в училище. Но завтрак и ужин, которыми нас накормили крестьяне, основательно подкрепили молодые организмы. Видимо, комроты ещё и на это рассчитывал: понимал, что при таких физических нагрузках пайка нам явно не хватало. Далеко не все вернулись на своих двоих: более десяти курсантов были привезены на колхозных подводах – не выдержали испытания на двужильность. Но утром все с новыми силами грызли «гранит» военной науки.

Доучиться не пришлось. Время было важнейшее: конец 1942 – начало 1943 г. – триумф Красной армии под Сталинградом. Вопрос «победа или дальнейшее отступление» витал в воздухе. Сердца курсантов наполнялись решимостью быть там, где нужнее. И нас услышали: почти весь состав училища приказано было бросить на пополнение поредевших дивизий. Молодая смена, как говорилось в приказе, подготовленная для отражения агрессора, прибыла на Воронежский фронт в марте 1943 года.

ПО ВАГОНАМ!

Команда – прощание! Перрон Ульяновска весь зелёный от погон молодых юнцов. Эшелон новобранцев отправился на юго-запад в марте 1943 года. Наш вагон в середине состава. На остановках можно поразмяться: опоздать практически невозможно. На больших станциях выбежали обязательно: прихватить кипятку, обменять сухой паёк на картошку, хлеб...

Ехали довольно долго. Двери нараспашку, перек-

ладина – барьер, облокотившись на который можно увидеть бескрайние просторы. А повидать пришлось многое: дорога проходила по отвоёванной территории. Она представляла собой удручающее зрелище: остовы чёрных труб, сожжённых дотла деревенских изб, голые пепелища, редкие уцелевшие дома. Но сказочные дали, синие реки и речушки напоминали о счастливой мирной жизни. Именно природа утверждала, что солнца и голубого неба хватит на всех, а категоричная и весёлая весна заявляла: «Я пришла!»

Запомнились редкие прохожие с понурыми лицами, с согбенными спинами, закутанные в одинаковые серые шали. А стайки мальчишек уж совсем были редки. Увидев воинский эшелон, они застыли восторженно и с надеждой. Случалось видеть и девушек, машущих нам «синими» платочками. Но это не радовало. В душе накапливалось чувство опустошения: порой казалось, что жизнь отсюда ушла навсегда.

На нарах же – солдатский размеренный распорядок. Кто постарше – всё больше помалкивал, хлопоча у буржуйки, которая им полностью подчинилась. Некоторые безучастно смотрели в потолок вагона, мерцающий лучами весеннего солнца, или просто дремали под стук колёс. Мы с новым другом Павлом Моисеевым вспоминали свои школы, учителей. Историй было немало.

Задумавшись, я вспоминал дом, где остались мать, сёстры с малыми ребятишками. Как они там? И хотелось кричать на весь вагон: «Надо быстрее управиться с наглыми фашистами, разрушившими судьбу миллионов невинных людей, желающих жить, быть счастливыми!...»

Вот наш эшелон на воронежской земле. Лик её скорбит. Ещё вчера здесь прошла война. Враг оставил после себя ужасающую пустошь. На путях станций трупы фашистов, оставленные своими же во время позорного бегства.

В одно солнечное утро поезд остановился посреди степи. Внимание привлекло зрелище, поднявшее весь вагон! Метрах в пятидесяти огромная воронка от бомбы – таких мы уже повидали. Но нас всколыхнула картина, какой не увидишь на полотнах художников: по всему брустверу лепестками ромашки лежали ногами к воронке полуголые трупы захватчиков в брюках мышинного цвета. Это они – называвшие себя завоевателями?! Казалось, они смотрят на небо, когда-то ниспославшее им жизнь. Кто их уложил в таком виде?! Кому на устрашение? Загадка. Конечно, это запомнилось нам, новичкам. Вот что будет с каждым, кто придёт на нашу землю. С врагом надо быть беспощадным – слабонервным не место на боевых позициях предстоящих сражений.

А перед станцией Лиски остановились утром –

послышалась команда: «Выходи из вагонов!» Высыпали горохом. Перед нами высота. Разрешено было «взять» её. Оказалось, это – поле вчерашней битвы. Траншеи, блиндажи, доты, ходы сообщения, трупы немцев, вся земля изрыта, изуродована. И на каждом шагу... листовки, их тысячи! Они заканчивались словами: «...переходите на нашу сторону. Штык в землю!» Уже ненужные грязные бумажки показали всё безобразие человеческой глупости: прийти в чужую страну, чтобы убивать тех, кто по праву здесь жил, растил детей, холил свою землю – и найти смерть без могилы, без покаяния...

Этот полигон стал наглядным пособием на уроке в школе войны, где мы вскоре будем решать уравнение со многими неизвестными, ответ к которому найдём лишь через несколько лет в слове «ПОБЕДА».

...На другой день мы прибыли к месту назначения, на станцию Валуйка Белгородской области.

КРЕЩЕНИЕ В СВИНЦОВОЙ КУПЕЛИ

Валуйка – узловая станция. Утром при выгрузке мы заметили огромное скопление воинских эшелонов, которые тоже прибыли на конечный пункт.

Нас предусмотрительно отвели в ближайший молодой осиново-берёзовый лесок в ожидании перехода на передовую. Готовились весь день: приводили в порядок обмундирование, писали письма, ждали темноты.

Вот наступили сумерки, и в небе мы услышали приближающийся тяжёлый звук. Через минуту появился и источник устрашающих громовых весенних раскатов. Над станцией пролетела эскадрилья тяжёлых немецких бомбардировщиков. У нас отлегло от сердца, когда они миновали. Но не тут-то было. Они возвратились. Их строй был уже другим. И хотя ширина железнодорожных путей казалась бесконечной, на каждый наш эшелон приходилось не по одному стервятнику. И началось светопреставление! Бомбы разных калибров обрушились на станцию. Взрывы, огонь, дым; столб земли, походивший на чёрное чудовище, начал угрожающе подниматься, увлекая за собой куски дерева, металла, тряпья... При заходе самолётов во второй и третий разы чудовище изрыгало снова и снова мощные дозы «лавы», всё набиравшие высоту. Наконец враги улетели на запад. Мы подумали, что всё кончилось.

Но снова слышим гул невероятной силы. Бомбардировщики над нами – только в другом строю. Обстрел из всех видов бортового вооружения начался по нашим ничем не защищённым головам. Мы прикрывались только ладонями да надеялись на молоденькие деревца, что робко колыхались над нами. Вокруг стоны, крики... Около меня навсегда затих

курсант из Вологды. Сколько заходов было, уж и не помню. Потом они полетели туда, где была наша передовая, и превратили в прах боеприпасы, предназначенные для защиты и уничтожения противника.

Убитых похоронили с почестями, раненых увезли... Вспоминались строчки: «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать...»

И каждый из нас поклялся мстить! Но тут же в голове возникал недоуменный вопрос: «Где были наши? Это же 43-й год! Превосходство в воздухе на всех фронтах оставалось на нашей стороне. Кто ответит за это головотяпство?»

Темнело. Раздалась команда: «Выходи строиться!» И мы пошли в темноту – навстречу зареву передовой.

В АКТИВНОЙ ОБОРОНЕ

Утром следующего дня мы были уже в расположении первой роты стрелкового полка. Левый фланг роты отстроил траншеи от степной реки Короча, что близ городка Шебекино. Севернее, в десятках километров – Белгород. Противник, как обычно, занимал позиции на возвышенных берегах рек. Землянка нашего комроты приютилась у самого берега. Тут же под рукой – землянка связистов. Это был пункт управления и командования взводами, пулемётными и миномётными расчётами. А вот и речка, оказавшаяся нашей благодатью. И напиться, и умыться, и постирать... Но главное – вдруг на секунду остановишь взор – и любишься серебряным зеркалом природы, вспоминаешь родную речушку, свою Мокшу.

Я – связной между полком и дивизией. Такое поручение доверили, наверно, по распоряжению командира роты. Основная обязанность – утром отнести пакет в штаб полка. Но в течение дня задания комроты были разнообразными: подносить боеприпасы дневному и ночному дозору, охранять связистов во время их отдыха, помогать при раздаче обеда... В общем, приходилось крутиться как белка в колесе. Чтобы продержаться день, силы и выносливости нужно было иметь немало.

Но основное назначение – связной. Маршрут следования изучил по карте вместе с комроты. Самостоятельно осмотрел местности. Природа бередила душу – весна буйствовала. Ляжешь в свободную минуту на землю, всмотришься в бездонное синее небо, окаймленное ожерельем черёмухового цветения, и не веришь, что в лесу вместо сказочных полян лишь раскуроченные бывшие позиции противника, недавно отчаянно цеплявшегося за каждый метр нашей земли.

Роль связного мне показалась с самого начала значительной и интересной. (В твоих руках стратегия

и тактика секретных военных расчетов, планов, приказов.) А ты – мальчишка, проходишь лес, полный весеннего птичьего гомона. Кажется, что война где-то далеко и опасность не грозит. И короткий путь через колхозное заросшее бурьяном поле ничем не настрожил. Большой лес с западной стороны. С южной тоже лес – там и находился штаб. С севера тянулась защитная лесополоса от сухоевеев, с востока – овраг, широкий и глубокий, заросший кустарником, орешником да травами, что тебе море земное, зелёное.

Мне понравился этот маршрут. Вопреки правилам маскировки, утром на солнечном припёке я и отправился коротким путём. В это время немцы вели миномётный обстрел по колхозной риге в южной стороне. Периодически снаряды летели по намеченной цели. Их устрашающее шипение над головой начинало меня раздражать. Я прибавил шаг. Миновал середину, а там рукой подать до цели. И вдруг – взрыв правее меня метрах в двадцати. Я залёг в бурьян. Соображаю – куда идти. Второй взрыв – впереди по ходу на таком же расстоянии. Решил повернуть в сторону полосы, а там в овраг. Где по-пластунски, где на четвереньках (в высоком бурьяне) спешу выйти из-под обстрела. Третий и четвёртый взрыв образовали квадрат! Но я был уже вне его. Маневр оказался правильным. Фашисты наверняка посчитали меня убитым. По оврагу, больше не высываясь, дошёл до штаба. Вот что значит самонадеянность и пренебрежение к уставу – смерть очертила вокруг меня зловеющий квадрат. В роте ничего не рассказал: осудили, посмеялись бы вволю, а храбрым никто бы не назвал.

Хочу разочаровать романтиков, представляющих войну как бесконечную перестрелку противников в бою. Конечно, этого предостаточно на войне: атак, отражений наступающего противника, контратак и т.д. Но не надо забывать, что солдат на войне многолик. Он – землекоп, видимо, прежде всего. Сколько выкопает он за войну окопов и траншей, котлованов для блиндажей и землянок, дотов и дзотов. А какой искусный лесоруб из солдата получается! Он пилит хвойный и лиственный лес, разделяет деревья на брёвна и брёвнышки, просто таскает их к месту укрытий и укрытий. Он же и плотник, когда обустривает землянки и блиндажи... А ещё солдат в землянке повар и официант, когда много гостей нагрянет. Посудомойщик, прачка, швея, многие парикмахерами незаурядными в окопах становятся. Да всего и не назовёшь, кем был, есть и будет солдат на службе и на войне. И к этому надо готовить ребят со школьной скамьи.

Думаю, что не разочаровал мальчишек, которые прочитают эти строки, отсутствием на войне романтики, ибо главное в доле солдатской, чтобы стать по-

бедителем, – это терпение, упорство, смекалка, смелость, хитрость, сноровка...

Да, за четыре месяца активной обороны мне удалось многому научиться. Бывало, прикажет комроты отправиться в какой-либо взвод для замены солдата в окопе – вот и применяешь навыки по всем правилам военного искусства: наблюдаешь, стреляешь по целям, бросаешь гранату, маскируешься, маневрируешь – каждую секунду надо быть начеку...

В управлении у комроты было всего пять человек: ординарец, связной (я) и три связиста. И только ординарец и я (связной) выполняли тяжелейшие обязанности по доставке раненых на перевязочный пункт. На носилках по узким траншеям выносили раненых к санфельдшеру для отправки в госпиталь. Стоны, крики, страдания... Иногда в обнимку ведёшь солдата с перебитыми руками, с ранением в шею, в челюсть... Опасность самому быть подстреленным была на каждом шагу. Нельзя выпрямиться от тяжести – тут тебя шальная и просверлит. Но не забываешь о самом главном – подбодрить, обнадежить товарища. Придавало силы то, что комроты старший лейтенант Калашников не забывал похвалить, оценить наши старания. А мы, юноши, бойцы, бойко отвечали: «Служу...»

Я ловлю себя на мысли, что лик войны как будто бы был знаком: длинные и нелёгкие дороги войны, обстрелы, рёв самолётов типа «рама», вахта в дозоре, сон урывками под канонаду – ко всему этому и многому другому нас готовили в военном училище, по тем тяжёлым временам заботливо и профессионально – поэтому и на фронте военный образ жизни казался мне знакомым.

Но настоящее испытание всех моральных и физических сил пришло 5 июля 1943 года. По всей линии Воронежского фронта и началось. Артподготовка обрушилась неожиданно и мощно...

А пока – май и июнь 1943 года. Именно эти дни оставили огромные впечатления в душе: жизненный опыт обогащался встречами, рассказами, леденящими эпизодами, воспоминаниями...

В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ

В ПАМЯТИ СОЛДАТСКОЙ О КУРСКОМ СОЛОВЬЕ

После долгих месяцев противостояния, когда активная оборона измотала физические и психические силы солдата, отход на отдых, во второй эшелон – благо неописуемое. «Только в лес!» – кричат одни. «Отоспимся как дома!» – вторят другие. «Как вовремя, гарь и потоки солёного пота смыть», – вздыхают третьи.

Июнь 1943 года. Белгородчина – сказочный край, особенно в большом лиственном лесу. Да ещё на счастье – поляна, любоваться которой мы не переставали. В прекрасном настроении намылись, заменили окопную форму на новенькую, летнюю, очень лёгкую. К ней наша амуниция подошла: оружие – как влитое. Спали в блаженном сне: ни тебе над головами свиста мин и снарядов, ни тебе стрекотни стрелкового оружия.

Утро второго дня встретили обновлёнными, в мажорном настроении, с шутками и прибаутками. Делились впечатлениями от счастливых сновидений: «Встреча с родными и близкими состоялась! Чуть ли не всех родных и близких повидал! А какой сон я видел!»

Без дела не сидели. Напилили брёвен для укрепления траншей и землянок. Нашлось время и книжки послушать от ротных книжечеев. А в один из дней видим – уселся на пенёчке сержант из второго взвода с баяном через плечо. Все устремили взоры на баяниста.

А он как размахнул меха да по кнопкам врезал – даже ветерок, листьями игравший, притих... Вальс «В лесу прифронтовом» душу солдатскую вывернул наизнанку. Все молчали, зачарованные, в сердце – буря воспоминаний, а на глазах мокредь: «...И каждый думал и молчал о чём-то о своём...»

Вот уже и шестьдесят... семьдесят годков минует скоро, а песня манит, а лесная поляна, как вчера, перед глазами, и мы благодарны судьбе, которая на фронте не отвернулась от нас.

И вспомнил я историю, известную и тогда многим, о курском соловье... Бывалый курсант из Ульяновского училища в вагоне эшелона, мчавшегося на фронт, задал нам вопрос: «Как вы думаете, ребята, молчат ли на фронте пушки, когда поёт соловей?» Оглядел нас попристальнее и, поняв, что ответа не получит, начал рассказывать свой вариант нам ещё неизвестной истории:

– Линия обороны проходила по бывшему колхозному саду, от которого уцелела только одна старая яблоня, стоявшая на высоком пригорке. Было это не-

далеко от городка с очень тёплым и мягким названием – Обоянь.

Установилась такая тишина, какая бывает только на фронте перед наступлением. И вдруг в этой тишине... запел соловей. Он сразу взял такую высокую ноту, как будто хотел обратить на себя внимание. «Проклятая война всё перепутала: в это время соловьи почти не поют», – сказал кто-то из солдат. А соловей пел... Сибиряки вспомнили свои берёзовые рощи, уральцы – тонкие рябины, украинцы – цветущие яблоневые сады, белорусы – вишнёвые сады. Соловей пел... И вот послышался вой, а затем взрыв. Когда дым рассеялся, мы увидели, что у яблони нет верхушки. «Убили», – сказал стоящий рядом солдат. А соловей запел снова. Он выводил такие трели, что дух захватывало. Так мог петь только курский соловей. Казалось, что весь фронт слушал соловья. Сержант Ваню встал на колени перед старшиной и сказал: «Старшина! Тебя слушают все! Скажи, чтобы он замолчал, а то я убегу к своей невесте!» Все грустно улыбнулись. Снова раздался вой и взрыв. Немцы явно целились в соловья. Когда дым рассеялся, увидели, что у яблони обгорел один бок. «Убили!» А соловей снова запел. Настоящий герой! Так им! Пой! И он пел. Знаменитый на все земли курский соловушка. Пел долго, вышибал слезу у солдат.

Снова раздался вой и взрыв. Когда дым рассеялся, не было ни старой яблони, ни соловья...

А потом мы пошли в бой за Родину и за курского соловья! – так закончил эту историю бывалый курсант. Думаю, она вдохновляла солдат на разных фронтах войны.

ФРОНТОВАЯ БЫЛЬ

Есть на курской земле деревня Максимовка, из которой на фронт ушло всё мужское население. В тревоге жили матери и дети. С запада всё громче раздавалась канонада. Из домов люди перебирались в погреба, переоборудованные в землянки.

И вот случился бой у этой самой Максимовки. С утра начался, и, казалось, не будет ему конца. К вечеру всё стихло. Вышли из погребов люди, посмотрели на поле и не узнали его. Оно стало чёрно-зелёно-жёлтым. Насмотревшись, ушли спать, но сон не шёл.

В одном из подвалов ютились мать с подростком-сыном. Оба не спали. Мать гладила сына по голове, уговаривая: «Спи, а то по-сорочьи моргаешь и маешься». Вдруг она замолчала на полуслове и, присев поближе, прошептала: «Слышишь?» И услышали они стоны.

Мать встала, раздумывая: «Свой или чужой?» Вышла. Вернулась быстро. Открыла сундук, достала белое полотно, разорвала его на широкие полосы и

сказала: «Наш». Снова ушла. Её долго не было. Мальчик засыпал, но сквозь сон слышал, как мать тяжело поднялась по ступенькам из погреба, постояла и тихо проговорила: «Умер. Совсем молоденький, сказал, что из Красноярска. Имени не успел назвать». Взяла лопату и ушла.

Освободили деревню Максимовку. Первую посевную засеяли семенами, присланными из Башкирии.

Перед уборкой хлеба мать повела сына к берёзе, что росла недалеко. Сказала мальчику: «Считай от берёзы двадцать шагов в поле». Он отсчитал и остановился. Мать объяснила: «Смотри, сынок, – здесь похоронен солдат. Запомни – двадцать шагов от берёзы. А теперь приглядишься: везде колосья созрели, а на его могиле они зелёные». Прошло много лет. Сеяли хлеб – на могиле солдата колосья всегда оставались зелёными, семян они не давали. Люди предлагали перезахоронить солдата, но мать не соглашалась. Всем объявила: «Пусть памятник ему будет нива».

РАССТРЕЛ ДЕЗЕРТИРА

Много пришлось пережить, испытать каждому солдату, на каком бы участке фронта он ни был.

Нам было по восемнадцать лет. В эти юные годы впервые пришлось пережить то, что не забудется до последних дней.

В один из июньских дней взводный ещё утром приказал двенадцати рядовым строиться. Отошли от расположения роты совсем недалеко. Остановились на лесной дороге и повернули направо. Ждали дальнейших команд. Подошли офицер из особого отдела – «особист» и группа сержантов во главе с офицером батальона. А среди них солдат, обросший, поникший, в гимнастёрке без ремня и петлиц.

Состояние отрешённости угадывалось на его лице с первого взгляда. Мы догадались, что это дезертир, и поняли, что суд будет беспощадным. А он тупо глядел в землю, изредка окидывал строй диким взглядом, в котором сквозила надежда на прощение, по-бычьему скидывал голову.

Гробовая тишина. Особист громко, чётко читал приговор военно-полевого суда. Мера наказания – расстрел! Это слово ударило выстрелом не только по сознанию осуждённого. Дезертир кинул умоляющий взгляд на офицера-особиста, потом на весь строй, но ничего не говорил.

Батальонный офицер громко обратился к солдатам: «Кто хочет привести в исполнение приговор трибунала?» Тишина не нарушалась. Шли тягостные минуты. Приговорённый искал в строю снисхождения. Понимал ли он свою обречённость? Надеялся ли? Наконец безмолвие нарушилось. Правифланго-

вый из пожилых солдат щёлкнул затвором карабина. Раздался выстрел. Пуля попала в голову. Слышно было бормотание, видны конвульсии и пена изо рта. Солдат перезарядил оружие... Второй выстрел успокоил изменника...

Батальонный приказал тут же в десяти шагах от дороги вырыть яму и закопать. Холмика не получилось. Время оставит на этом месте углубление, происхождения которого никто не будет знать...

Дошли слухи и подробностей дезертирства: солдат лет тридцати ушёл из окопа, оставив товарищей на поле боя. Может, и не знал он о Тарасе Бульбе. Да и в цене предательства ошибся.

Этот урок войны был самым жестоким – до последних дней живут в наших душах заветы этого «урока»: презрение и брезгливость, справедливость и правосудие...

Презрение и брезгливость – к предателям, справедливость и правосудие высшей правды жизни...

УЧАСТИЕ В БОЯХ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

И вот 5 июля 1943 года, как я говорил, – настоящее испытание всех моральных и физических сил. Утром по всей линии Воронежского фронта и началось. Артподготовка обрушилась внезапно. Солдаты досматривали сны, когда на землю обрушился ураган смерти, накрывший каждый сантиметр нашей обороны. Десятки орудий разных калибров, крупнокалиберные миномёты изрыгали ежеминутно металл. Земля, деревья – всё, что могло взлетать от взрывов, поднималось, потом падало и рушилось мелкими кусками, превращаясь в прах. Дым от тысяч разрывов затруднял дыхание. Поистине «смерть и ад со всех сторон».

В эти страшные часы под ураганным огнём вдоль речушки по незаметной тропинке доставлялись ящики с боеприпасами. На обратном пути уже несли и вели раненых. Всё кругом действовало, держалось со стойкостью и мужеством, отвечало огнём, несмотря на необыкновенную плотность и интенсивность вражеского огня.

И так несколько дней. На пятый день я стоял с карабином в охране расположения управления роты. Забрёзил утренний рассвет. Что принесёт новый день? Несколько миномётов беспрерывно посылали заряды, чтобы мы не дремали. Мины, тяжёлые и тупые, летели над головами и падали неподалёку. Враг, видимо, надеялся на ответный огонь, чтобы обнаружить наши огневые позиции. Но мы не реагировали – вчера был тяжёлый бой.

Но вот над моей головой пронёсся вихрь с надрывным воем – и тут же оглушающий взрыв. Мина вонзилась в маленькую траншею, ведущую к воде из зем-

лянки связистов. Произошло это слева от меня, в полтора метрах. Столб земли почти засыпал часового. Я отряхнулся, увидел воду, устремившуюся в землянку, заваленный вход, услышал из-под земли крики и стоны связистов. В голове моей звучал непрерывный шум, и голоса бегущих, кричавших, приказывающих уже слышались нечётко. Ощутил пустоту в левой стороне головы. Ухо стало мокрым. И всё это в одно мгновение. Но стал вместе с другими откапывать связистов, оттаскивая вздыбившиеся брёвна. Добрались до пострадавших. На носилках понесли их в окоп к санфельдшеру. Помощь оказывалась очень быстро. Вот уже первые пострадавшие готовы к отправке в медсанбат.

Я решил показать фельдшеру ухо. Осмотрев, сначала он поставил диагноз – контузия. Но правый сапог постепенно наполнялся влагой, да и правая сторона лица вся в мелких ранках. Доктор определил тяжёлое ранение – срочно в медсанбат!

Перед операцией я очень беспокоился, что не найду своей роты. А хирург объяснял, почему я не почувствовал ранения в ногу – шокоевое состояние из-за контузии. И я тут вспомнил о втором взрыве мины, когда мы с напарником несли на носилках связиста...

Так я выбыл из игры.

ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ ПО ЖИВОМУ

В прифронтовом госпитале в здании церкви очереди не было. Однако когда меня внесли на носилках в огромное помещение, я увидел сотни раненых. Стонов отчаянных слышно не было, но нетерпение угадывалось на лице каждого – в поворотах головы, в беспокойном взгляде: всем хотелось знать время операции. Медсёстры хлопотали около тех, кого готовили доставить на операционный стол.

Я лежал на носилках у дверей. Было неудобно. Мне казалось: пройдут долгие часы, прежде чем попаду через заветные двери в операционную. Создавалось впечатление, что растущая боль увеличивает раненую ногу: повязка становилась тугой. Это меня беспокоило, но недолго. Противостолбнячный укол обдал жаром.

Подошли двое в белых халатах, приподняли меня на носилках и, пронеся через весь зал за минуту, опустили около заветной двери. Еще через минуту – дверь распахнулась, и я оказался в бесконечном помещении под брезентовой крышей. Операционные столы во всю длину – у каждого люди в белых халатах.

Меня водрузили на один из них. Запомнился врач пожилых лет. Он всё время что-то говорил, отдавал распоряжения. Но вот поднял руки в прозрачных резиновых перчатках и прикоснулся к моей ноге. Мест-

ный наркоз действовал безотказно. Я всё видел, но не чувствовал боли. Разрез в десяток сантиметров – и прибор захватил зловещий осколок «2-1, 5-1». Улыбаясь, хирург показал искомый «знак войны» и предложил на память. Но я, будучи в состоянии прострации, мотнул головой в знак отказа. Тяжёлые граммы зазвенели в металлическом тазике.

Очнулся в палате на белоснежной постели. Рядом – ласково улыбающаяся медсестра. Хлопотали около меня постоянно и все полагающиеся процедуры делали безотлагательно: лечили мою ногу в госпитале прифронтовой категории престарательно. Через две недели вручили костыли для прогулок. Это было окончательное возвращение к жизни.

Месяц в госпитале на станции Хреновая Белгородской области вселил в меня взрослую уверенность и изменил взгляд на окружающее: мир стал необычайно дорогим, хотя был и таким знакомым.

В палате мы вдвоём с узбеком Каримом Хасановым. Ему ампутировали правую ногу. Переживал очень, но держался бодро. Его рассказы о сказочной для меня республике Узбекистан запомнились. Адресами поменялись, но переписываться не пришлось.

Через месяц нас эвакуировали. Санитарный поезд шёл по маршруту «Хреновая – Ташкент». Карим – на седьмом небе, я тоже радовался вместе с ним...

Но в первый же вечер трагедия. Стоянка на безымянной станции затянулась, и мы стали укладываться спать. И вдруг... Взрыв, другой, окна потемнели, в вагоне паника, охи, крики – никто не оставался на месте. Все ковыляли к выходу: кто на четвереньках, кто хромая, кто ползком. Из вагона почти всех выгружали, мало кто мог выйти сам. И в эти минуты застрочили бортовые пулемёты самолёта. Пламя от горевшего паровоза и нескольких вагонов осветило станцию. Перед составом – огромная площадь, а за ней крестьянские избы. Устремились к домам, но, к нашей беде, для лётчика мы были легкой мишенью: в светлом нижнем белье походили на белых гусей, шедших цепочкой друг за другом. Можно только представить состояние лётчика-убийцы, стрелявшего в раненых, хладнокровно сделавшего несколько заходов и улетевшего с уверенностью одержанной победы.

Все пробирались за насыпь, в бурьян: там темнота скрывала людей. Наконец «ас» окончательно улетел. Но мы не могли и двинуться с места. А утром нас подбিরали, вели, несли. Новый санитарный поезд был сформирован наспех. Да и маршрут изменился: в Борисоглебск, в другой госпиталь. Там для некоторых лечение началось сначала, а кому-то оно и не понадобилось, как моему погибшему здесь другу Кариму.

И снова заполнение истории ранений, обследо-

вание. Второй этап лечения начинал опять лежачим, но было уже легче. С каждым днём я обретал крепость в теле и духе, появилась надежда, хотя война свирепствовала за стенами госпиталя во всей её убойной силе.

Пребывание в госпиталях было долгим: с середины июля 1943 года по декабрь.

Не раз я размышлял о превратностях судьбы, которая как будто бы раздумывала, что делать со мной, восемнадцатилетним мальчишкой, и, придя к какому-то своему решению, давала мне возможность выжить и идти вперёд.

...Вот я из четверых односельчан-новобранцев, лишь один неприкаянный, выпорхнувший или, скорее, выпавший из родного гнезда, брожу по станции в ожидании отправления на фронт. Попадаю в гарнизон запасного стрелкового полка, где в одном из взводов получаю обмундирование, не успеваю начать осваивать устав и учиться всем навыкам воинской выправки, как меня выхватывают из этой необозримой рати и увозят в город Ульяновск, переодевают в курсантское – и я уже курсант военно-пехотного училища. Наука по-суворовски воевать длилась полгода, ждали экзаменов, но... вдруг построение на плацу, приказ – отправить всех на фронт с перечислением боевых рот (без экзаменов, без присвоения офицерского звания)... А этот зловещий чёрный квадрат снарядов вокруг меня, связанного, на белгородском поле – знак предупреждения или спасения?! Почему пули обходили меня? Как поётся в песне: «Ты же выжил, солдат! Хоть сто раз умирал, хоть друзей хоронил и хоть насмерть стоял...»

И вот выписка из госпиталя. Я ждал отправки на фронт, ведь после разгрома фашистов под Сталинградом война стала носить стратегически наступательный характер, и мне, как участнику активной обороны, хотелось быть на передовой победного разгрома фашистов.

Маленькое окошечко выдачи госпитальных документов. А мне объясняют, как доехать до Саратовского военного училища – всего десять трамвайных остановок!

1944 год начался для меня большой учёбой по программе двенадцати месяцев, после чего – фронт, но уже в офицерской форме с погонями младшего лейтенанта.

Всё было снова, как в Ульяновском училище: строевая подготовка на плацу по несколько часов, физподготовка по нормам «Готов к труду и обороне», стрельбы, уставы, топография... Пиком в учёбе стали памятные манёвры Приволжского военного округа, где наше училище явилось первым среди многих стрелковых подразделений.

Приходилось стоять подолгу в гарнизонных ка-

раулах. Охраняемые объекты значились в числе особо важных: «Военные склады округа». Здания без окон и каких-либо архитектурных изысков выглядели мрачно ночью и днём, ибо стояли впритык друг к другу. Посмотришь вверх и видишь прямоугольник неба, очень узкий и длинный, а ты один вышагиваешь с трёхлинейкой наперевес. Вокруг же, за каждым стволом и колесом, в каждой нише мог притаиться диверсант, которых было множество в это время.

Вспоминая пережитое, стойко перенесённое в 19 лет, понимаешь, что ничто в жизни не сравнится с тяготами войны, тем более на фронте, когда до смерти расстояние в долю секунды и ощущение этого – величина постоянная. Победить страх смерти – героический удел настоящего солдата: вместе с этой победой исчезнут куда-то и слабость, и робость, и ущербность. Главными в человеке станут сила воли и сила духа, физическая сила и выносливость. Поэтому в мирной жизни именно ветеранами легче переносятся житейские сложности и неурядицы, но гражданские проблемы не идут ни в какое сравнение с грозным военным заревом.

Учёба в Саратовском училище – это прорыв военного человека в самостоятельную жизнь, это планирование своего будущего, а уверенность, что оно состоится, вселял и четвёртый год войны, и наши победы на фронтах, и мысль, что будущий мой вклад в дело разгрома захватчиков будет позитивным.

Этот год для меня стал удачным и в личном плане. После трёх лет поиска адреса одноклассницы, которая не забылась и оставалась для меня юношеской любовью, мечтой с синими изумительными глазами (поистине, «три года ты мне снилась»), я в письме от матери получил её адрес: «Бурятия, Улан-Удэ, пединститут». Восторг, восхищение, любовь переполняли мою душу. Началась переписка – военные треугольнички-конверты были нашими свиданиями, объяснениями с надеждой на встречу, которая, наконец, состоялась ранней весной 1946 года. А продлилась всю жизнь.

Итак, Саратовское военное училище, выпускные экзамены. Они успешно сданы. Мы – офицеры. Едем на Запад. Уже в марте я на Прибалтийском фронте. Литовский плацдарм обороны. Со дня на день мы ждали наступления на Курляндскую группировку немецких войск, чтобы разгромить и сбросить её в Балтийское море.

Мне доверили взвод боевого охранения. По сути, горстка боевого подразделения билась насмерть с обречённым на поражение противником, стоящим в нескольких метрах от нас, всё ещё сильного и коварного. Но закончилось всё очень скоро.

8 мая 1945 года. Утро. Даже солнце светило

по-особому, когда наблюдатель сообщил мне по телефону приглушённым голосом: «Лейтенант, посмотрите, что обозначает необыкновенная картина перед нашим охранением?»

И без бинокля – картина ошеломляющая! По всей немецкой линии обороны, которая скрывалась на опушке большого леса, выдвинуты орудия и танки. Они безмолвствовали. На их стволах трепыхались белые полотнища: флаги капитуляции – куски материи малых и больших размеров; тишина, отсутствие всяческого движения. Лес и безмолвный металл...

Меня срочно вызвали в землянку к телефону. Трубка начинала накаляться от зычного баса батальонного: «Лейтенант! Чёрт тебя побери! Поздравляю! Капитуляция, полная, безоговорочная! Собирай манатки! Ждём в расположении батальона!»

Я – в землянку. Команда: «Подъём!» Солдаты всё поняли. Считать секунды не пришлось. Все они вокруг меня. Начали качать. Выбежали наверх. Что там творилось – не описать! Схватились за табельное оружие. Залпы выстрелов загрели победу!

Снова в землянку. Сборы недолги. Во весь рост, минуя траншеи, зашагал взвод с песней.

Так неожиданно, но просто и восторженно кончатся войны. Хотелось надеяться, что эта последняя.

Под вечер на пенёчках, на ящиках, под кусточком на коленях писали своим, самым-самым... Белокрылыми птицами полетели треугольные весточки в далёкие края.

ВСЁ ДЫШАЛО УГАРОМ ВОЙНЫ

Уже на третий день ликование сменилось военными буднями. Мой взвод получил приказ прочесать квадрат «Н». Проходили по квадрату осторожно, как по лезвию бритвы: мин было достаточно. Кроме того, каждый дом, каждый подвал и сеновал таили в себе опасность: встреча с «зелёными братьями» могла обернуться боем: они встречали нас враждебно.

И мирные жители тоже не выходили к победителям с хлебом и солью. С горечью и недоумением проходили мимо редких хуторов. Было больно осознавать неприязнь людей, за которых мы не жалели себя. Эта боль режет по живому и сейчас.

Сколько товарищей потерял я! Среди них и мой родной брат Симакин Иван Григорьевич, погибший в 1944 году в возрасте 24 лет. А ещё мой лучший друг Лёня Лоншаков, молодой офицер, сражённый пулей подлого пленного немца, выстрелившего из колонны, растянувшейся нескончаемой зелено-грязной змей по шесть человек в ряду, длиной в несколько дней! Лишь горечь и омерзение было в наших душах, когда мы смотрели в лица пленных, –

незатухающие раны (и до сих пор) наших сердец зияют – прощение невозможно!

Мы продолжали наш путь на Восток, через Литву, Латвию, Эстонию, в связи с необходимостью обрести постоянные зимние квартиры. Остановились в трёх километрах у заштатного городка Эльва. До «белых мух» построили военный городок: землянки на целую роту, плац вдоль этого необыкновенного поселения, спортивные городки – всё необходимое для продолжения военной службы. Порох держали сухим, ибо не все на земле ликовали и восторгались нашей победой.

Продолжал служить, но мысли о демобилизации приходили всё чаще и чаще. Хотелось посвятить себя воспитанию молодого поколения. Казалось, что получится, так как солдаты во вверенном мне взводе считались с моим мнением, выполняли распоряжения, были на хорошем счету. А я особенно был внимателен к тем моментам, которые поднимали силу духа солдата, его благородство, великодушие (впоследствии такой настрой помогал мне в воспитательной работе с учащимися).

Не забудется вечерняя поверка нашего полка: он носил имя Александра Матросова. Когда в первой роте называлось имя Александра Матросова, правофланговый отвечал: «Александр Матросов, Герой Советского Союза, погиб смертью героя за нашу Родину!» И дальше вся рота по алфавиту. Прошли десятилетия, а эти волнующие минуты воинского ритуала перед глазами!

В 1947 году я демобилизовался из рядов Вооружённых сил по ранению и контузии 1943 года с твёр-

дым решением посвятить дальнейшую жизнь обучению и воспитанию детей в школе. Мечта сбылась: более сорока трёх лет работал в школе, из них тридцать шесть лет руководил средней школой. А незабываемые армейские годы (из них четыре года войны!) стали тем стержнем, которые дали мне силы преодолеть, я думаю, трудности в становлении «мирного» человека. По сути, всю жизнь был солдатом на полях военного и «мирного фронта». Солдат-труженик – что может быть выше этого звания?!

Прийти к нему не так уж просто. Солдатом стать – сильным быть. Сила не придёт сама по себе. Воспитание выносливости, терпения, целеустремлённости, воли необходимо, чтобы стать солдатом армии своего народа. Ведь без солдата в широком смысле, сильного духом, невозможно сохранить жизнь и свободу Родины и народа.

Заканчивая воспоминания, поймал себя на мысли, а сумел ли я передать детям и внукам своим всё то, что хотел сказать о шести годах суровой, но молодой жизни? Сумел ли хотя бы поразмышлять, как выстоять и как победить? Поймут ли молодые читатели главное: речь шла о юношеской жизни, но уже полной труда и борьбы, полной стремления давать людям больше, чем брать?

Жизнь моего поколения – это история целого народа в необыкновенное время, казалось бы, краха и потери будущего, но на деле – Победы и возрождения. Надеюсь, что слова, идущие от чистого и любящего сердца, возрастут в доброе, вечное...

□

Василий Григорьевич СИМАКИН
(25.11.1924 – 18.03.2016)

*Ветеран Великой Отечественной войны,
почётный гражданин Республики Карелия.*

Награждён боевыми орденами и медалями:

орденом Отечественной войны, медалями «За победу над Германией»,

«За отвагу», «60 лет Курской битвы» и др.

Заслуженный работник культуры РСФСР,

за трудовую деятельность награждён орденом «Знак Почёта» и др.

Педагог: более 43 лет работал в Чалнинской средней школе

преподавателем русского языка и литературы,

из них в течение 36 лет заместителем директора и директором школы.

Был постоянным корреспондентом карельских периодических изданий,

центральных и районных газет.

За эти годы им создана настоящая летопись жизни карельских тружеников, истории посёлка Чална Пряжинского района Карелии.

Он соавтор книги «В лесах над Шуей», Петрозаводск, 1998.

Над воспоминаниями о ВОВ Василий Григорьевич работал много лет и закончил к 2013–2014 гг.

Они хранились в семейном архиве.

